

Часть 1



1

Из заляпанного мылом зеркала на Веру смотрел наливной прыщ. Мама много раз говорила, чтобы она не трогала лицо грязными руками. Вера вроде и не трогала, но после каждой поездки все равно возвращалась обсыпанная. Пробежала лицо глазами — так хозяйка прикидывает, сколько времени займет уборка грязной кухни. Отметила, что волосы над губой к завтрашнему утру уже заметно отрастут, а в районе переносицы у прыща скоро появятся собраты. За дверью туалета усиленно шаркал следующий посетитель. Вере пришлось прервать изучение лица и быстро закончить свои дела, не касаясь испачканных поверхностей. В южных поездах *shit happens* чаще, чем в северных.

Поезд ехал к морю. Поезд вез Веру на шахматное первенство в Сочи. Все саратовские попутчики были ей знакомы: мальчик Сеня очень многообещающий, Мирослава в этом сезоне начала сдуваться, а Владик только набирает обороты. Было еще много других ребят, Вера знала их имена и рейтинги, но кроме выходных данных — больше ничего. Интересоваться

ими всерьез не было смысла, это просто масса, питательный субстрат для откорма чемпионов.

За окном волновалась и подрагивала темнота. Изредка мелькали желтофонарные полустанки со смазанными от скорости названиями. Вера закрывала глаза и вспоминала варианты. С тренером они заранее проработали стратегию игры против Оли Мохиной — ее основной соперницы. В дебюте вряд ли стоит ждать неожиданностей, а вот в миттельшпиле начнется быстрая атака на короля. Оля едет из Ростова. Оля с аппетитом поедает бутерброды с колбасой и листает ленту жирными пальцами. Нельзя проиграть Оле с жирными колбасными пальцами.

Пальцы лежат на макушке фигуры. Развитие коней, позволить занять центр, а затем подорвать его пешками. В Москве шахматный робот сломал мальчику палец. Рука-манипулятор сделала ход и съела фигуру, поставив на освободившееся место свою фигуру, а мальчик немного поторопился ходить. У него имя еще такое странное — Кристофер. Роботу спешка не понравилась. Он ухватил пацана за указательный палец и сильно сдавил. Как в фильме про восстание машин. Не повезло Кристоферу, гипс наложили.

Не повезло. Везение — вообще самое главное в жизни. Но не все согласны с этим. Когда они с Артемом Николаевичем разбирали ошибки после партии и Вера говорила, что ей просто повезло, губы тренера брезгливо поджимались. Проигрыши Вера считала закономерностью, а удачные партии — везением. Артем Николаевич же ненавидел разговоры о везении

и настаивал, что у Веры есть способности. «Несомненные способности» — даже так он говорил. Но можно ли до конца верить человеку, который получает деньги за утешение ученика? Способности — да, может быть, но этого недостаточно. Способности — это не талант. Вера часто сожалела, что у нее нет таланта. Такого, чтобы и друзья, и соперники просто не могли не признать его очевидность. Она видела, как играют по-настоящему талантливые шахматисты: задорно, смело, почти невнимательно. Вера себе такого позволить не могла.

Она играла с большим усилием, надвигаясь всем телом на шахматное поле и наваливаясь мягкой грудью на кромку стола. После турниров в соцсетях появлялся фотоотчет, где девочка-тетя, держась за подбородок, направляет на доску тяжелый взгляд. Вера пыталась выглядеть легче, улыбаться фотографу, втягивать живот и выгибать спину, но так она отвлекалась от партии и начинала косячить, поэтому приняла решение думать только о вариантах.

На турнирах Вера вообще выпадала из жизни: не листала инсту*, не писала в твиттер, ела мало и разговаривала только по необходимости. Она с неприязненной завистью смотрела на тех, кто накануне партии мог с интересом обсуждать последний сезон «Игры престолов». Не было легкости в Вере, не было. Артем Николаевич хвалил ее за основательность, но не понимал, что эта мера вынужденная. Вере просто

* Деятельность Instagram (также инстаграм, инста) на территории РФ запрещена.

не хватало беглости мышления, чтобы легко переключаться с одного вида деятельности на другой.

Ставку на шахматы Веру заставил сделать случай. Пару лет назад родители подарили ей на день рождения щенка таксы. За высокие требования к качеству собачьих консервов папа остроумно назвал его Бобби — в честь Фишера, конечно. Папа в школе посещал шахматный кружок, потом довольно быстро бросил и пошел на хоккей, но в разговоре о любом предмете находил повод вернуть шахматный анекдот или занимательный факт из биографии такого-то чемпиона мира. Страсть к трескучим шахматным словам раздражала Веру, но нравилась всем папиным друзьям. Кажется, маме тоже нравилась.

Так вот щенок оказался невероятно умным, антрацитовые глаза смотрели на мир как будто с пониманием. Бобби прекрасно слушался Веру, выполнял все команды, гулял без поводка — достаточно было позвать его по имени. В одну из прогулок они, как обычно, пересекли дорогу по направлению к парку, и вдруг откуда-то сбоку вынырнула женщина и, протянув руки к Бобби, радостно воскликнула: «Щеночек!» От неожиданности он отскочил назад на дорогу, прямо под колеса взвизгнувшей «газели». Любительница щеночков закрыла лицо руками и медленно пошла прочь. Спустя несколько часов наблюдений за движением машин по влажному пятну Вера решила, что шахматы ей подойдут. Они не приносят боли.

Со временем стало ясно, что она обманулась. Боли, может, и не было, но был страх. Страх прогрызал кожу и проникал в самые мелкие сосудики, как машины-осьминоги в «Ма-

трице». Восемь щупалец вцепляются намертво. Страшно ошибиться на ровном месте, упустить преимущество или, того хуже, его не заметить. Фантомные ошибки болели у Веры, как отрубленные конечности, удушливый ужас напал на тело посреди прогулки, мытья посуды или урока. Вот прямо сейчас страх напал совершенно без повода, и в стекле вагона отразилось испуганное лицо.

Вера отвернулась от себя и решила посмотреть на более приятные лица. Перед долгим турнирным воздержанием надо насмотреться на красоту впрок. Она открыла инстаграм и приготовилась к длительной сессии на верхней полке. Вера делала так перед каждой игрой — смотрела-смотрела-смотрела в экран, пока не затощнит от пестрых квадратиков и радужных кружочков. Пролистала ленту с морскими закатами, открытыми платьями и длинными ногами — Вера была подписана на всех моделей. Тонкость струящихся модельных тел завораживала ее. Много часов она провела воображая себя на пятнадцать килограммов легче.

Вера даже пробовала не есть, и это удавалось, пока однажды она не застала себя за уничтожением старых запасов варенья, хлопьев и просроченных конфет, сладко прилипших к полке. Приступ странного интереса к невкусной еде хорошенько ее взбодрил, и Вера решила все-таки есть. Пробовала она и вызывать рвоту, но не понравилось. Слишком неэстетично. А потом пошли бесконечные турнирные этапы. После пятичасовой партии обойтись одним салатным листом невозможно, хочется съесть слона. Вся надежда теперь на столовую

для участников турнира, где традиционно кормят плохо и мало, а значит, можно будет немного скинуть.

Каждый раз, когда Вера была почти готова принять себя без правок, какой-нибудь раздражающий прыщ, или волос, или складка отдаляли ее от цели. Казалось, что до приемлемого уровня не хватает совсем немного и стоит лишь не поужинать, выщипать брови или сделать еще что-то маленькое и вполне посильное, как станет даже не так уж плохо. Но заветная черта, за которой начиналось совершенство, все ускользала.

Мама как-то обратила внимание на содержимое помойного ведра — Вера выбросила ужин с тарелки и неплотно присыпала очистками сверху. Пришлось сказать, что мясо не понравилось, но расстраивать маму не захотела, поэтому избавилась по-тихому. Скорее всего, мама не поверила, но не стала выспрашивать. После этого случая Вера всегда выносила мусор сама, чем очень радовала родителей.

Вера пробовала поговорить с мамой на тему питания и фигуры, но та не могла ответить ничего вразумительного. Мама считала, что Вера пошла в породу отца кряжистостью, высоким ростом и крупными конечностями и ничего тут не поделаешь. Сама же мама, как назло, в свои почти сорок походила на старшеклассницу. Так говорили знакомые при встрече. Иногда они еще вопросительно оглядывали Веру, словно удивляясь, как такой неприятный случай мог произойти с такой симпатичной женщиной. Вера уже смирилась, что красоту проиграла, и утешала себя только тем, что этот талант скоро-

течный — мама начинала стареть и даже немного полнеть. Они обе видели, как уходит красота: по капле, почти незаметно, но верно.

Возможно, именно поэтому маме нравился инстаграм. Если знать свои ракурсы, можно не стареть вообще, а лайки и сердечки всегда действуют утешительно. Недавно мама заделалась коучем по удаче. На своих прямых эфирах она рассказывала, что успех приходит к тем, кто готов его принять, что нужно бороться с установками на бедность и выполнять простые практики для привлечения удачи. Двенадцать тысяч подписчиков уже были согласны впустить удачу в свою жизнь, но менторские услуги покупали неохотно.

И вот Вера смотрит мамины сторис, которых так много, что полоски превратились в точки. Вера закрывает глаза. Почему-то все это страшно ее раздражает. Может, потому что сейчас решается ее судьба, а мама живет как ни в чем не бывало. Этот турнир определит, может ли она претендовать на нечто большее, чем нормальная жизнь. В пятнадцать лет уже поздно подавать надежды, пора показывать результат.

А Вера страшно устала. Последние три года она не видела ничего, кроме доски и внутренностей поезда, автобуса, реже — самолета. Она даже школу толком не посещала. Вместо классов были сборы и соревнования, обшарпанные студии, шахматные клубы и Дома офицеров. Везде, где только давали стул и часы, Вера билась, выгрызая себе место в этом поезде. Без победы она ничто. Толстая девочка без красоты и таланта. Это самый сильный ее сезон и единственный шанс на серьезный

успех. Если чудо и может произойти, то вот как раз сейчас. Пора.

Вера открывает глаза, а там море. Поезд лениво ползет вдоль побережья. Настолько медленно, что можно рассмотреть, как мокрые волосы на спине пожилого мужчины образуют волновой узор. Пути неприлично близко к пляжу, с волнорезов редкие апрельские купальщики неодобрительно провожают глазами пробегающие вагоны. Одеяла уже свернулись улитками на полках, снежные горы белья выросли в служебном купе проводницы — до конечной станции чуть больше часа. В очереди на переодевание Вера смотрела, как расслабленные люди в тапочках и мягких спортивных штанах заходят в туалет, чтобы выйти из него универсальными солдатами. Она не хотела биться, она хотела бы и дальше ехать, положив подбородок на грязную раму верхней полки. Но пришлось натянуть тугую одежду и приготовиться ко всему.

Санаторий для шахматистов сильно отличался от привычных Вере провинциальных гостиниц блеском полированных поверхностей и отсутствием на входе дежурной фотографии персонала с Пугачевой. Может, это только начало и пора привыкать к тому, что теперь ее всегда будут приглашать в красивые места и лучшие отели. То ли еще будет.

Спустя двадцать минут после заселения Света из Долгопрудного — соседка по двухместному номеру с кондиционером — наполняла уши Веры звуками.

— Жанка очень неудачно разыграла дебют и сразу получила плохую позицию. Такая халва досталась. Повезло!

— Повезло, — подтвердила Вера, раскладывая вещи в пустом шкафу, так как разноцветная куча вещей Светы занимала стол и стул.

— Ты знаешь, что тут играем сначала блиц, потом рапид и в конце классику?

— Ага, читала. А кормят тут как? — поинтересовалась Вера.

— Да нормально. Кстати, пошли на обед, а то съедят всё. Вчера мне не достался десерт.

Света подошла поближе, чтобы беззастенчиво заглянуть в Верин чемодан, наполненный однотипными футболками свободного кроя.

— Блин, что это у тебя такое? — Вера тронула соседку за рукав, приподняв немного его край, и обнажила переливающийся всеми цветами боли синяк.

— Ой, да это я в балконную дверь не вписалась, — отмахнулась Света и криво хмыкнула.

Вера растерянно улыбнулась в ответ. Она прекрасно рассмотрела следы пальцев по кайме синяка, но решила, что спрашивать об этом спустя двадцать минут после знакомства рановато.

Когда они пришли на обед, ребята уже кучками сидели за столиками. Распределение по фракциям завершено. Вера обычно садилась одна, принципиально сторонясь любых объединений, чтобы никто, не дай бог, не подумал, что она лезет в компанию. А Света, похоже, наоборот. Едва вошла в ресторан, как кому-то помахала и убежала здороваться. Вера на секунду зависла — бежать за Светой, типа они вместе, или сделать вид,

что не заметила, как та отошла? Второе. Вера замедлилась до своего обычного темпа и направилась искать чистую тарелку. Даже разозлилась на себя. Надо же, действительно чуть не побежала. Жалкое зрелище.

Шведский стол был ровно таким, как она ожидала. Разве что ошметки еды, упавшие с неуправляемых лопаток на белую скатерть, быстро убирали. Еда выглядела прилично на вид, но на вкус оказалась несъедобной. Каждый раз в гостиницах ее мучил вопрос: что нужно сделать, чтобы так испортить обычные продукты? Одно утешало — план похудения в силе. Вера как раз изучала вилок овощи в греческом салате, как рядом с ней уселась Света с подносом. Сказала, что встретила девочку, с которой тусовалась на прошлом турнире, и решила поздороваться. Вера в ответ только кивнула и опустила голову пониже, чтобы незаметно улыбнуться в свою тарелку. Сама пришла. Правильно, что не побежала за ней.

Вечером состоялось открытие турнира. Сорок минут со сцены бубнили в микрофон про юное поколение и традиции, а дальше непременно танцы детских кружков и инструктаж по правилам безопасности. Вера терпела утомительные церемонии, она ждала жеребьевку. До ее группы «девушки до 16» дошли уже затемно. Вера вытащила из пестрой стопки открыток карточку с видом сочинского морского вокзала. Неожиданно милый формат жеребьевки — обычно делают сухую электронную табличку с фамилиями и рейтингами. Перевернула открытку — Косицына, белые. Ничего, не страшно. Косицына ей по зубам.

Первым делом Вера побежала искать Артема Николаевича, он уже должен был прилететь вместе с Яриком — еще одним своим учеником. Ярик Просолов на турнире выступал в группе до двенадцати, но уже получил кандидата в мастера. Артем Николаевич прочил ему место в высшей лиге и всегда подстраивал занятия с Верой под его расписание. Хотя Артем Николаевич очень старался это скрывать, но Ярик был его фаворитом. С Верой тренер разговаривал как старший наставник, Ярик же как будто занимал место сына, который, кстати, у Артема Николаевича тоже был. И сын, и дочка. Вера часто размышляла, чем вызвана такая любовь. Как-то давно они обсуждали это с папой, и он предположил, что Артему Николаевичу просто хорошо платит отец Ярика — какой-то там депутат, но Вере это предположение показалось грубым и несправедливым. Вряд ли Артем Николаевич такой. Он всегда говорил, что любит талантливых ребят. Ярик талантливый, а Вера середнячок, вот и внимания ей меньше.

Артем Николаевич нашелся в баре под экраном с трансляцией футбольного матча. Они договорились завтра утром в семь тридцать встретиться для обсуждения тактики на предстоящую партию, а сейчас разойтись спать. За ночь тренер пообещал проанализировать Косицыну и подготовить для нее что-нибудь неожиданное. План работы вполне обычный, необычно только то, что при разговоре Артем Николаевич продолжал коситься в сторону экрана. Казалось, что тренер хотел спровадить Веру побыстрее. В любом случае рекомендацию хорошенько выспаться она получила и отправилась исполнять.

Обычно она подолгу возилась в кровати, но заговаривающая болтовня соседки убаюкала, как аудиосказка.

Когда-то давно, еще до школы и шахмат, дедушка повесил на турник в коридоре веревочные качели и поставил магнитофон — Вера обожала ритмично раскачиваться под «Снежную королеву», или «Конька-Горбунка», или — самое любимое — «Пеппи Длинныйчулок». Потом дедушка умер, квартиру продали, а коллекцию кассетных сказок стало не на чем слушать.

Блиц никогда не был сильной стороной Веры, молниеносные решения давались ей тяжело, а легкость и искрометная фантазия не значились в списке ее достоинств. Вера тайно комплексовала, что ее рейтинг в блице был ниже классического, но утренняя партия обещала быть легкой. С Косицыной она встречалась уже трижды на других турнирах и всегда выигрывала. Однако в этот раз все не задалось еще в дебюте. Вера в самом начале попала в неприятное положение, долго искала, как выбраться из него, попала в жесткий цейтнот, в спешке уронила фигуру — плохой знак — и в итоге даже просрочила время.

Поражение от Косицыной. Начало турнира — хуже не придумаешь. Настроение и самоуверенность упали до уровня плитуса и валялись там в пыли, а играть надо было дальше. «Проклятые шахматы. Занимаются же люди рисованием, музыкой, танцами! Так нет же, выбрала посложнее», — сокрушалась про себя Вера.

Этап турнира был явно провален, все последующие партии были немногим лучше. Какие-то партии блица Вера даже

выигрывала, какие-то проигрывала, но шла в хвосте турнирной таблицы. Недавние претензии на лидерство и мечты о чемпионстве казались ей теперь совершенно нелепыми. С такой игрой ловить нечего.

Как будто ее надежды когда-то сбывались. В школе Вера уже пробовала надеяться. Тогда на важную контрольную по математике — ее результат определял оценку за четверть — принесла из дома карманную иконку и поставила рядом с собой на парту. Так посоветовала бабуля, когда Вера сходила с ума накануне вечером. Пацаны на соседнем ряду заметили и, тыкая друг друга локтями, стали закатывать глаза и складывать руки в молитве. Вера сделала вид, что не видит кривляний, и иконку не убрала и даже, наоборот, нежно погладила пальцем. Понадеялась на силу веры. За контрольную она получила тройбан, позорную тираду от математички перед всем классом, а потом еще нагоняй дома за оценку в четверти. С тех пор на чудеса Вера особо не рассчитывала. Не опозориться бы снова прилюдно, и это будет уже достойный результат турнира.

После разгромного первого дня утешительно действовала мысль, что завтра будет новый день. В шахматах так: сегодня ты умер — завтра ты снова живой. В итоговой таблице результатов блица ее фамилия значилась четвертой снизу. Но это ничего, в рапиде еще будет шанс отыграться. Результат в шесть очков и место в первой десятке ее бы устроили. Если настроиться играть сухо и плотно — так обычно играют мужчины, — то можно взять партию терпением. Только как мужчины не получится, о чем они постоянно напоминают. «Учите эндшпиль» —

стандартный комментарий шахматного сексиста под любым постом о женском турнире.

Но на следующий день после катастрофы случился выходной. Вера хотела бы провести его в номере, поедая себя по кусочку, но Света уговорила ее поехать на экскурсию. Она настаивала, что надо отвлечься и сменить обстановку. По шахматному поверью, после неудачной партии обязательно нужно что-то изменить — взять другую ручку для записи ходов, переодеть футболку, хоть трусы сменить. Можно подумать, так невезение не узнает тебя и уйдет к другому. Света предлагала сменить привычный уклад подготовки накануне рапида. Вера бы отговорилась от поездки, но Артем Николаевич тоже куда-то укатил с обещанием вернуться к вечерней жеребьевке. Из всех аргументов за поездку самым убедительным Вере показался довод, что для участников турнира экскурсия бесплатная. Пришлось согласиться.

Автобус ехал в горы. Автобус вез Веру к древним городам и горным водопадам. Панельный иконостас обещал полную безопасность поездки, хотя водитель-кавказец не выглядел как человек, который нуждается в божьей помощи. Света заняла козырное место у окна и смотрела в него неотрывно. Что еще более странно — она всю дорогу молчала. Вера настолько привыкла к исходящим от нее звукам, что в тишине чувствовала себя неуютно. Можно было подумать, что они в ссоре. Вера как раз раздумывала, что бы такое сказать невзначай, как ребята в соседнем ряду разлили колу на сиденье. Водитель отреагировал протяжным матом, остановил автобус на пло-

щадке серпантина и заставил пацанов протирать сладкий пол футболкой-тряпкой. Света оторвалась от окна и, наблюдая за неуклюжей уборкой, наконец подала голос:

— Отец убил бы меня за такое.

— Ага, и мой, — поддержала Вера.

— Нет, твой не убил бы, — равнодушно ответила Света и уткнулась лбом в стекло.

Вера повернулась к соседке, да так резко, что даже шее стало больно. В мятом пучке на затылке Светы и сутулой позе читалось то, что она уже услышала в звуке голоса, — болезненная правда.

— Свет, ты можешь поделиться со мной, если хочешь. Честно, я никому больше не скажу, — предложила вполголоса.

Света пошевелила ртом, словно прикидывая, хорошо ли там укладываются слова. Судя по длинной паузе, слова укладывались плохо. Но она рассказала. Рассказала, что папа с восьми лет выращивал из нее чемпионку мира. Программа тренировок включала в себя ранний подъем, гимнастику и десятичасовые занятия. В обед перерыв, после обеда — снова за доску. И так каждый день, кроме коротких передышек по болезни. Пока она была маленькая, папа был требователен, но не жесток. А потом он решил, что повзрослевшая Света стала лениться, а скоро и вовсе профукает результаты их совместных усилий. Этого никак нельзя было допустить. Папа подумал, что нужна дополнительная мотивация. В качестве стимула он использовал шкалик для себя и кулак для нее. После нескольких месяцев занятий по новой методике шахматные успехи Светы пошли в гору —

она выиграла первый региональный турнир. Папа был чрезвычайно доволен и увеличил интенсивность упражнений настолько, что Света сбежала к бабушке, но ее быстро вернули. Спортивный сезон не мог ждать, пока сойдут синяки. Особенно сильно отец усердствовал после проигрышей. Он считал, что Света ему назло играет невнимательно и вяло, что ей просто не хватает воли, в укреплении которой отец и видел свою главную задачу. Мама Светы не любила жестокость, но считала, что вмешиваться в воспитательный процесс нельзя. Золотое правило педагогики: если один родитель воспитывает, другой поддерживает. Так родители, поддерживая друг друга, довели Свету до первенства в Сочи.

— Если выиграю турнир, возьму призовые и уеду в Москву, — твердо сказала Света. Можно было бы усомниться в реальности такого плана, но кто бы посмел?

В ответ на откровения соседки Вере хотелось сказать что-то жизнеутверждающее, но на ее язык слова тоже не укладывались, и она оставила попытки. Вместо этого она подумала о своих родителях. Отцу Светы хотя бы не все равно. Нет, так нельзя думать, никак нельзя сравнивать. Страх хуже всего, уж ей ли не знать. Вера решила, что обязательно проиграет Свете, когда они встретятся за шахматной доской. Хотя едва ли будет выбор, Вера играет плохо и без поддавок. Может, надо было, чтобы ее тоже били? Так бы и выбили чемпионский результат.

Автобус продолжил свой путь вдоль русла горной реки. Сейчас высохшая и бессильная, она как будто скалила зубы-

камни, обещая дать отпор при первой возможности. Водитель высадил пассажиров на стоянке с рахитичными деревьями, при выходе еще раз неодобрительно глянув на пацанов с колой. Дальше пошли пешком в лесок. Он был разительно не похож на привычный Вере лес средней полосы. Покрытые тысячетлетним мхом валуны, гигантские деревья и заросшая папоротниками земля навевали мысли о динозаврах. Влажная тропинка и подгнивший мостик через ручей привели группу к дольмену — каменному ящику с дыркой, спрятанному между скал. Выстроив идеальный полукруг из людей, экскурсовод нудно рассказывала, какие бывают виды дольменов, сколько метров между стенами и какие инструменты применялись для строительства. А начать ей стоило с того, что прямо на этом ящике богам приносили жертвы, и, возможно, даже человеческие. Вера была немного разочарована, что внутрь залезть нельзя, но дольмен ей понравился. Похож на скворечник для очень большого скворца или стол, за которым боги обедают жертвами. Она шепотом поделилась придуманными сравнениями со Светой, но той они не показались забавными. Света откровенно скучала и жалела, что им не дали время рассмотреть магнитики у торговков. Пообещали, что возможность купить сувениры будет после обеда, который как раз планировался на следующей остановке у водопадов.

Экскурсовод сказала, что у дольмена можно попросить удачи. Нужно сунуть руку в окошко, продержат там три секунды и загадать желание. Больше в лесу не было ничего интересного, поэтому народ повалил выполнять обязательную

программу: загадывать желание и фотографироваться. Дождавшись своей очереди, Вера недоверчиво потрогала каменные рытвины. Ерунда, конечно, какая-то, но совать руку страшновато. Очереди уже ждал следующий проситель, поэтому решать пришлось быстро. Вера втиснула руку в дырку — кисть обдало прохладой — и загадала: стать знаменитой шахматисткой, хотя бы на один день. Это добавление пришлось сделать из соображений приличия, ведь она прекрасно знала, что с такой игрой ей даже в десятку не попасть. Вся надежда теперь на замшелый дольмен. Смешно и глупо, очень в ее стиле. А вдруг повезет? Везение вообще самое главное в жизни.

2

В зеркале гостиничного санузла Вера отражалась по пояс. Мясистые полоски на белой коже живота — следы от джинсовых швов. Он, живот, рвался на свободу из тесного пояса, сколько бы Вера ни вздергивала джинсы наверх. Это беспрестанное выкатывание за пределы поля страшно раздражало. После совершеннолетия Вера планировала сделать липосакцию живота. Чтобы морально подготовиться и в целом представлять себе процесс, посмотрела несколько записей операции на ютубе и осталась под впечатлением. Бело-желтый жир отсосут через проколы, а лишнюю кожу отрежут. Хотя на видео и не было слышно, кожный отрез коснется стерильного хирургического тазика со звонким чпоком. Когда мама режет мясо и отрезает особо жирные куски — она же следит за фигурой, — именно с таким звуком отсеченные части ударяются о кухонный стол. Чпок.

На операцию можно скопить с призовых. Вот только для этого нужно выигрывать, ведь никому не платят за проигрыши. В блице уже пролет, а в рапиде и классике еще можно побороться

за призовые места — за первое место дают сто тысяч. Неплохо, но и не супер. Как раз на липосакцию. Вот на чемпионате Европы первой тройке платят несколько тысяч евро. Вера плохо себе представляла, сколько это в рублях, но точно хватит на все хотелки, даже если не борзеть и большую часть отдать родителям. А еще можно будет сделать профессиональную фотосессию, чтобы в статьях о ней были симпатичные фотографии. И в соц-сети тоже давно пора обновить профиль.

Тут Вера спохватилась, что торчит в ванной уже слишком долго. Бережно уложила мягкий живот в трусы, повыше натянула джинсы и намочила понарошку руки. А то Света еще по-думает, что она свинья: сидела долго на унитазе и даже руки не вымыла.

Когда она вышла из ванной, руки Свету не интересовали. Она как раз заканчивала красить глаза голубой подводкой, стоя у окна с карманным зеркальцем, в котором попеременно отражался то один, то другой глаз. Видимо, она была недовольна симметричностью, потому что ватных палочек-стрел с голубыми наконечниками на подоконнике скопилась целая горка. Каждое утро Света делала новый безумный макияж с блестками, розовой помадой или яркими стрелками и не терпела никакой критики по качеству исполнения. Вера не красилась вообще, так как не могла сделать идеально, а никак по-другому ее не устраивало. Света в этом плане была явно либеральнее. Ежедневно она наполняла их общую комнату отдушками дешевой косметики из перехода. Так пахло в бабушкином ящике трюмо. Пудрой, лавандой из мешочков от моли

и чем-то еще неуловимым. Старостью? Если она пахнет. В любом случае Веру запах раздражал, а вспоминать бабушку всеу было как-то неловко.

Света готовилась к выходу в свет не просто так. После завтрака открытие этапа по рапиду, а значит, между рядами будет снова неуловимый фотограф. В основном он делает общие кадры столов, запруженных разноцветными детьми, чтобы спонсоры видели — мероприятие проходит, деньги украдены не все. Индивидуально снимают только лидеров дня, и Света твердо была намерена оказаться в их числе. Вера же терпеть не могла скопления народных масс. От гама болела голова, а от духоты она начинала потеть и стесняться мокрых пятен на одежде, естественно потев от этого еще больше.

В толпе хорошо делать только одно — наблюдать. Так Вера обычно коротала время в дороге или в очереди. Ее интересовало, как люди двигаются, как отвечают на приветствия, открывают рот широко или, наоборот, еле-еле, когда разговаривают. По выражению лица человека она пыталась понять, какой у него характер, чем он занимается, рад он или расстроен. Чаще всего ответа ни на один вопрос найти не удавалось, но от этого процесс наблюдения не терял очков. Особенно интересно было наблюдать за девочками своего возраста или старше. Когда такая девочка заходила в маршрутку, Вера вся как-то подтягивалась, пытаясь показать себя с лучшей стороны на случай, если объект наблюдения тоже захочет стать наблюдателем. Вера пыталась понять, как живет этим девочкам с самими собой — так же ненавистно

сложно? Но девочки не подавали ответных признаков отчаяния. Может, потому, что Вера не подавала их первой.

Из интересного о девочках — они постоянно что-то в себе поправляли: разглаживали челку, одергивали одежду, собирали или распускали волосы. Один раз в школе Вера так долго смотрела, как одноклассница Лера то задирает, то опускает рукава своей кофты, что тоже стала так делать. Только для Леры это имело смысл, ведь, внезапно задирая рукав, она демонстрировала миру тонкое запястье и предплечье в белом пухе волос. В случае Веры появлялась просто рука в черных длинных волосах. Тогда она попробовала брить их, но стало только хуже — на месте тонких волосков появились черные пеньки. В общем, фокус не удался, а привычка задирать рукава осталась.

На открытии рапида людей было даже больше, чем на блице, подтянулись опоздавшие. Рапид рассчитан на два дня, завтра все уже решится. Зал похож на спортивный, только вместо волейбола тут как будто проходят групповые поминки. Белые скатерти на длинных столах противно ерзают под локтями, лежат блокноты, ручки, тонюсенький рулон шахматного поля с фигурами, стоят косыми домиками карточки с фамилиями игроков. От всех этих шахматных атрибутов веет неприятной пластиковой одноразовостью. Только фигуры выглядят более-менее внушительно — в них специально добавляют утяжелитель, чтобы сложнее было сбить неосторожным движением, ведь тогда виновник падения должен восстановить позицию за счет своего игрового времени.

Вера любила только деревянные шахматы, подбитые мягким зеленым сукном. В детстве ей казалось, что фигуры — слон, конь, король, королева — остановились на зеленой полянке и ждут, когда с ними поиграют. Правда, войлочные накладки спустя несколько лет использования начинают отклеиваться, набор становится потрепанным и его меняют на новый. Но все равно деревянные лучше, живее. Приятно пахнут опилками и сотнями ладоней, что, конечно, не очень гигиенично.

Первая партия тура игралась с Альбиной из Башкирии. Вера представила, как нелепо их пара будет смотреться на фотографиях. Обе они казались попавшими не в свою возрастную категорию, только Вера тянула на старшую группу, а соперница — на детскую. Альбина была такая девочка-девочка, вся тонкая и хрупкая. Мысль об этом заставила голову Веры сбежать в плечи. Такой маневр она применяла, когда пыталась казаться на размер меньше.

По поводу партии на этот раз Вера особо не переживала, ведь, несмотря на неудачи в блице, играла она сильнее соперницы. За свою недолгую шахматную карьеру Альбина редко показывала хороший результат, хотя стабильно участвовала во всех возможных соревнованиях. Судя по всему, надеялась однажды выстрелить, но Вера знала: никогда этого не будет. Не было в Альбине искристого таланта, только усидчивость хорошей башкирской девочки. С таким набором качеств можно только школу с золотой медалью окончить, а чемпионство не взять. Ходы Альбины были как ожившая схема из учебника

по дебютам: мало творчества и мало мысли, только отличная память. Запоминая варианты, она играла то как Ботвинник, то как Крамник, но никогда как Альбина.

Альбина осторожно опустилась на стул напротив. Ей, бедной, еще и черные выпали. Пожали друг другу руки. Ну, поехали. Разыграли испанскую партию. Естественно, как по учебнику. Красиво, но белые Веры ничего не добились в дебюте, Альбина методично гасила все атаки. Надо ускориться. Вера отдала качество за две пешки, правда сдвоенные, и вышла на линию атаки на черного короля. Альбина почти без паузы на решение отражала все угрозы и даже попыталась реализовать небольшой перевес. Надо же, какая хватка в этом малюсеньком теле. Неожиданно и неприятно. Еще не хватало опять проиграть. Нет, нельзя думать об этом сейчас. Тын-тын... «Мальчик едет на девятке...» Что там дальше? Мысли отправились на поиск пропущенных слов в песне. Этот ход с музыкальной паузой Вера придумала недавно и была очень собой довольна. Любая мелодия со словами, главное, чтобы прилипчивыми, прогоняла посторонние мысли и помогала очистить голову. Опа-па. Если заставить ее взять коня — а взять его сопернице очень захочется, — то черные в ловушке. Да, она это съела. И это конец, дамы и господа. У белых лишняя пешка и подавляющая позиция.

Снова пожали друг другу руки. Альбина записала в свой бланк результат, сдала в руки судье и, не подавая признаков разочарования, пошла на перерыв. В своем листе Вера отметила хорошие ходы восклицательным знаком, а комбинацию

с конем — двумя восклицательными знаками, как очень хороший ход. Интересно, что пометила Альбина?

Вот так да, вот так разыгралась девочка-припевочка. Не ожидала. Первая партия, а уже такой жесткач. Спасибо папе, который давал упражнения для развития скорости мышления. Интересно, как там папа?

Папа и везение всегда шли в сознании Веры рука об руку. В каких бы конкурсах, лотереях, спорах ни участвовал папа — он всегда выигрывал. Это было полное читечество, но, черт возьми, читечество удачное. В молодости папа вел небольшой бизнес «под крышей» у криминального авторитета, небезызвестного в Саратове девяностых Земца. В числе прочего «земцовские» занимались краденными автомобилями. Папа работал на приемке: принимал без документов запчасти, рассчитывал стоимость замены, накидывая, конечно, фиксированную долю Земца, — в общем, был начальником административно-хозяйственного управления. В одну из вечерних смен случилось непредвиденное — на стоянку пришла кошка. Опрометчивость кошки оказалась крайне невыгодной для всех сторон: от нахлынувших чувств охранные собаки погрызли крылья и исцарапали капоты сразу нескольких машин, — сторож был уволен, псов потравили, а на папу повесили долг за ремонт испорченных автомобилей. О судьбе кошки неизвестно, но вряд ли ей удалось пережить эту катавасию без последствий.

Чтобы вернуть долг, папа пошел на авантюру. В сейфе стоянки хранились деньги на операционные расходы: для расчетов с поставщиками и проверяющими органами. Никому

ничего не сказав, папа взял бандитские деньги и понес их в единственное в Саратове казино «Звездное небо». Деньги тогда удалось выиграть и покрыть ущерб бандитам, даже с добавкой за беспокойство. С тех пор пошла удача: когда папа был на мели, он просто направлялся напрямик к игровому автомату и получал наличность. Со временем на мели его видели все реже. Оно и понятно: женился, остепенился.

Но в последнее время в папе что-то изменилось. Он стал замкнутым, настороженным и подозрительным. Это было так непохоже на его привычное самодовольство, практически приросшее к лицу. Все началось, когда папа узнал, что умер его старый знакомый Егор. В старших классах они посещали один шахматный кружок и жили в одном доме. Когда Егору было семнадцать, они со старшим братом поехали на турнир и попали в аварию. Брат скончался на месте, а Егор получил сильную травму головы. После травмы у Егора, по его словам, «открылись способности». Папа во всю эту ерунду не верил, но частенько забегал к Егору в гости, чтобы поболтать и поиграть в шахматы — кружок они оба уже бросили. В один из таких визитов Егор предложил папе погадать, папа из любопытства согласился. Прорицатель предупредил, что всегда гадает только тем, кому хочет, а не тем, кто просит, а если его заставить, погадает, но соврет. Гадал без всякого антуража — ни карт, ни свечек, просто пристально в лицо смотрел. Сказал папе, что с деньгами и женщинами у него будет все прекрасно, что его ждет удача во всем, но только до сорока лет. Папу это не слишком впечатлило: «Ага, предстоит тебе дорога — от сор-

тира до порога. У меня так бабушка соседкам гадала. А с тобой что произойдет, Ванга с хреном?» Тот вполне серьезно ответил, что он погибнет точно так же, как его брат, — в автокатастрофе. Папа осторожно заметил, что тогда Егору не стоит водить машину, и перевел разговор на другую тему. Больше они к пророчеству не возвращались, со временем стали общаться реже, а через пару лет папа съехал от родителей на съемную квартиру.

Всю эту историю в семье знали и пересказывали как иллюстрацию несостоятельности гаданий, но совсем недавно папа навещал родителей и, встретив у подъезда маму Егора, спросил, как тот поживает. Мать ответила, что Егор погиб. Он ждал автобус, когда в остановку врезалась машина: водитель потерял сознание за рулем. А в папу врезался этот короткий разговор у подъезда. Он посчитал, что если Егор так точно увидел свое будущее, то и его — предрешиено. Тем более что остальные пункты совпадали.

Скоро первый испуг перешел у папы в навязчивый страх. Он ничего не мог с собой поделать и вечерами проигрывал в голове сценарии трагедии со своим участием. Один вариант был нелепее другого, и все кончались, конечно же, смертью. Вера папе сочувствовала, а мама на него злилась. Цельнометаллическим тоном она пыталась втолковать ему, что это глупость, что только в деревнях люди в гадания верят, а ты-то куда. Кризис среднего возраста жестко бьет по мозгам, конечно, но гадание — это уж совсем ерунда какая-то. Папа кивал, но завещание все-таки составил — при таком количестве

родни это, впрочем, неудивительно — и приготовился умирать в ближайший год.

Уезжая на турнир, Вера оставила папу с этими мыслями и теперь тревожилась, как он там справляется один. Когда от чувства вины становилось не продохнуть, она напоминала себе, что победа и прилагающиеся к ней призовые принесут в их дом, может быть, и временное, но облегчение.

На обеденном перерыве Вера много ела и много болтала, против своего обыкновения. Даже спросила у Светы, как ей пришло в голову сделать такую необычную стрелку с двумя углами: вверх и вниз. Не то чтобы получилось красиво, но Веру восхищало, как смело Света показывает публике что-то несовершенное. И Света только начала рассказывать, что стрелки не получились, но она решила не теряться, как позвали в зал.

В пару на послеобеденную партию Вере досталась колбасная королева Мохина. Это не то чтобы странно — они в одной группе, — но все-таки удивительное совпадение, что из двадцати возможных соперниц по распределению выпала именно она. И если раньше Вера думала об их встрече с давящим на горло ужасом, то теперь в подушечках пальцев приятно зудело. С телом вообще творилось странное. Вера чувствовала себя в нем больше не гостьей, но хозяйкой. Правда, не все органы оказались готовы к внезапному преображению. Спина быстро устала держаться прямо, ведь раньше она только горбилась. При новой осанке Вере казалось, что голова слишком задрана вверх и это выглядит дико. Она даже сходила в туалет проверить — в зеркале смотрелось нормально.

Потерпи, спина, с новой силой нужно жить по-новому. Сила катится по жилам, кровь переносит силу в сердце, голову и руки. Теперь она вся была сила, помноженная на скорость. Скорости Вере всегда не хватало, поэтому игра в блице так сильно посыпалась. А теперь было ясно, что пятнадцать минут с добавленными секундами на каждый ход по условиям быстрых шахмат — это очень много. Впервые она могла думать о предстоящей партии как о шутке, приключении, пропало напряжение и тоскливое ожидание неудачи. На волне новых ощущений Вера выиграла все партии дня.

Колбасная Оля ходила белыми. Она играла сдержанно и старалась не рисковать понапрасну. Интересно, а еще медленнее она шевелиться может? Вере нелегко давалось удержание новой силы в пределах тела, она ерзала на твердой подушке стула и раздражалась из-за медлительности соперницы. Оля сделала ход и нажала кнопку часов. Сосуды в Вериной голове истерически дернулись. Ошибка! Она ошиблась. Форсированный мат белым в центре доски в три хода. Вот и всё, победное очко в копилку. А разговоров-то было. Проходя мимо стола, главный судья турнира одобрительно покивал плешивой макушкой. Внимательные глаза с голубыми стрелками из дальнего угла зала наблюдали, как они с Мохиной пожали друг другу руки.

Все изменилось. Впервые Вера не угадывала варианты, но чувствовала, куда идут фигуры, хаос на доске стал для нее стройным и логичным. Она играла ровно, мощно, с вдохновением и остротой, как всегда и представляла себе талантливую